СОДЕРЖАНИЕ

Нездешние птицы 3
Измеримое время и время судьбы 14
Перед стеной времени. 70
Сидерическая периодизация 162
Прапочва и человек. 284

НЕЗДЕШНИЕ ПТИЦЫ

1

Эта книга объединяет в себе два написанных не одновременно и к тому же тематически различных сочинения, одно из которых задает другому масштаб, в связи с чем уместно упомянуть об обстоятельствах их создания.

Работа над первой частью велась в самом начале января 1957 года — в дни особенно активного появления всевозможных астрологических предсказаний и толкований. Содержание этих прогнозов, противоречивших друг другу, в данном случае не сыграло важной роли. Однако их многочисленность сама по себе послужила поводом для размышлений.

Если в какой-то местности вдруг появляется большое количество редких или вовсе не известных животных, ни народ, ни научное сообщество не оставляют этого без внимания. Биологический вид описывают, ему находят место в общей классификации живых организмов. Возьмем, к примеру, свиристелей — пестрых северных птичек, которые иногда большими стаями залетают в наши края. Конечно же, за ними с интересом наблюдают не только профессиональные зоологи, но и просто любители природы и художники, ищущие мотивы для творчества.

Однако наблюдением дело не ограничивается. Непривычное нам животное также привлекает к себе внимание иного рода. Появление чего-то чуждого, тем более в большом количестве, не может быть чистой случайностью, и мы всякий раз задаемся вполне оправданным вопросом о причине этого события.

Прилет свиристелей в наши края обусловливается климатически: если на севере зима выдалась холоднее обычной, они дальше, чем обыкновенно, удаляются от своей родины. Специфика миграции связана со спецификой погодных условий. Это факт, позволяющий делать некоторые выводы и прогнозы. В частности, мы можем предположить, что если на севере установились суровые холода, то и мы в какой-то мере ощутим их воздействие. С этой точки зрения свиристели выступают как предвестники морозов. Они беженцы, преследуемые завоевателем. Рассуждая логически, мы можем проследить причинно-следственные связи их прилета со многими другими факторами: от солнечных пятен и космических бурь до цен на уголь и благоприятных или неблагоприятных условий для катания на лыжах.

Если же свиристель станет прилетать в нашу страну чаще, углубляться южнее и оставаться дольше, до самого лета, если он начнет вить у нас гнезда и выводить птенцов, то это будет свидетельствовать уже не просто о холодной зиме, а о масштабном понижении температур, о перемене климата, которая затронет все: от самых значительных явлений до мелочей.

То же можно сказать и о гороскопах, этих своеобразных часах, чья популярность не только непривычна для нашего мира, но как будто бы даже противоречит его законам. Составление астрологических прогнозов стало занятием настолько распро-

страненным, что и ученые, и даже сами астрологи (наиболее добросовестные из них) относятся к нему критически. Однако такая критика не получит здесь ни подтверждения, ни опровержения. Подобно описанию внешнего вида и повадок птиц, она рассматривает явление само по себе. Нас же оно интересует лишь в качестве приметы времени и климата. Иными словами, эта книга, не касаясь содержания астрологических предсказаний, рассматривает факт их необычайной популярности как знак, дающий основания для определенных прогнозов.

Однако вернемся к птицам. Свиристель — гость с севера. Щурка золотистая, чье оперение отличается почти тропической яркостью, иногда прилетает к нам с юга. Обе птицы считаются предвестниками беды, поскольку незнакомое, даже если оно красиво, всегда вызывает у людей недоверие. Такой консерватизм небезоснователен. Новое редко приносит счастье, даже если воспринимается как удача, как большой выигрыш. В сказках множество тому примеров. Перемены требуют в первую очередь жертв, потому что не хотят идти только проторенной тропой: их приходится заслуживать, добиваться, завоевывать. Изменению климата сопутствует акклиматизация, сопровождающаяся недомоганием, болезнями и даже смертью. Не случайно свиристеля также называют чумной птицей.

Отношение к нему как к предвестнику несчастья является, по сути, таким же пророчеством, как и установление взаимосвязи между его прилетом и холодной зимой. Что касается погодных предсказаний, то к ним наука, бдительно охраняющая свои рубежи, проявляет снисходительность, подобно тому как современный человек, имея под рукой

более надежные инструменты и средства, порой все же обращает внимание на крестьянские приметы и пользуется народными рецептами. Однако название «птица-горевестник» принадлежит к отмирающему пласту, поскольку относится к предсказательной практике былых времен, многочисленные отголоски которой сохранились в старинных хрониках. В соответствии с ней появление на свет уродливых существ тоже воспринималось как знамение.

При всех отличиях современного доказательного прогнозирования от старинных предсказаний пристальное рассмотрение позволяет выявить некоторую взаимосвязь между ними. Древние мыслили не абстрактно, а образно, что, однако, не мешало им опираться на опыт наблюдений. Свиристель слыл предвестником войн и эпидемий — эти беды действительно могли являться следствием чрезмерно долгой и холодной зимы: из-за того, что мороз уничтожил посевы, народ вторгался на территорию южного соседа. Начиналась война, которая, в свою очередь, провоцировала вспышки заболеваний. Таким образом, прилет свиристелей в самом деле оказывался предвестником беды. Между тем это одна из тех примет, что сегодня кажутся нам ничем не мотивированными.

Методика, продемонстрированная в приведенном примере, *не* будет использоваться здесь. Исключение составят лишь те случаи, когда возникнет необходимость в выявлении морфологического сходства между двумя стилями мышления. Ученые и астрологи подчас мыслят очень близко, а гороскоп напоминает часы. Основанием для сравнения всегда служит нечто третье, господствующее. (Кит тоже похож на рыбу, но внешнее сходство «обман-

чиво». То, что их роднит, находится не в них самих, а в третьем элементе, как бы мы его ни назвали — просто морем или нептуническим духом и его влиянием.) В данном случае не следует упускать из виду того факта, что речь идет о двух моделях. Человеческий ум может прослеживать логические связи лишь до той точки, где логика вынуждена уступить силе очевидности и потому совершает перескок или отклоняется в сторону.

Этот переломный момент, о котором здесь пойдет речь, есть великая тайна времени. Переломы происходят там, где что-то обретается. Даже смерть — перелом, а не конец. В данной связи уместно употребить слово «источник». Предположим, ум долго боролся с неким противоречием и вдруг сумел его разрешить. В таком случае борьба находится во времени, разрешение — вне. Оно подобно искре между двумя противоположно заряженными электрическими полями.

Тридцать лет назад я попытался описать это явление в эссе «Сицилийское письмо лунному человеку», где показал, что Луна может рассматриваться не только с точки зрения астрономии, но и с точки зрения мифа, а ее поверхность обладает не только измеримыми физическими свойствами, но и физиогномическими характеристиками. Оба ее качества могут быть объединены человеческим умом, если у него хватит на это сил. Совершается прыжок, то есть скачкообразное возвращение к истоку, и из зрительного наложения противоположностей стереоскопически вырастает новое измерение, в котором они не только пространственно объединяются, но и поднимаются на более высокий качественный уровень.

2

Как уже сказано, поводом к написанию этой, первой, части моей книги стало появление большого количества гороскопов, сопровождаемое оживленной полемикой между сторонниками и противниками астрологии. Эти споры вокруг переломного момента представляют собой полезную пищу для размышлений — безотносительно к результату, сами по себе, как зрелище. Они напоминают борьбу двух жильцов, один из которых занимает весь дом, а второй — только верхний этаж. Наша наука запросто и без ущерба для своего статуса укладывается в астрологическую систему, обратного же не происходит. Это наблюдение уже достаточно ценно, поскольку мы нуждаемся в сдерживающих рамках для нашего технически абстрактного мира, который, становясь все более и более независимым, не может сам поставить себе границы.

Такова предпосылка, послужившая исходным пунктом для небольшого исследования, изначально предназначенного для моего собственного использования, — «Измеримое время и время судьбы. Астрологические размышления неастролога».

Через год, в первых числах января 1958 года, я перечитал написанное и добавил кое-какие замечания, навеянные разговорами и перепиской на астрологические темы. Мне было ясно, что к существующему зданию следует пристроить комнатку или эркер, откуда просматривались бы большие отрезки времени, для оценки которых наш исторический опыт слишком эфемерен, наши документы слишком новы. Возникает потребность в метаисторических мерилах — в таких, например, какие предлагают нам археология,

зоология, геология и астрономия, воспринимаемые исторической наукой как некий вестибюль, предназначенный лишь для того, чтобы быстро через него пройти.

То, что и они являются частью истории, поскольку мы здесь и сейчас находимся во власти мифических, прачеловеческих, зоологических, геологических и астрономических процессов, пока не представляется очевидным, хотя и начинает отражаться на отдельных областях знания и просто на текущих событиях нашей жизни. На это указывает, в частности, возрастающая значимость метеорологии не только в отношении краткосрочного прогнозирования, но и в свете теорий больших циклов. Наконец она заявляет о себе как наука, чья связь с предначертанными судьбой событиями становится все более и более тесной. Это один из знаков, указывающий на то, что историческое здание дает трещины. Ниже мы поговорим об этом более подробно.

Попытки приобщить к человеческой истории новые, так сказать, космические элементы могут быть восприняты как угроза разрушения исторической науки, и не без оснований. Но если необходимость в таких попытках назрела, то не значит ли это, что разрушение уже идет, причем разрушается сам исторический мир в его привычном понимании?

Именно об этом и следовало задуматься во второй комнате, у «стены времени». Оказалось, что переломный момент — это скорее окно, нежели дверь. Окно, позволяющее увидеть новый ландшафт. Или упавшую стену.

Для того же, чтобы совершить первую короткую прогулку по открывшейся нам местности, необхо-

димы были начальные соображения, способные послужить и мерой расстояния, и посохом.

Астрология обладает тремя существенными преимуществами для обозрения метаисторических промежутков времени. Во-первых, она охватывает максимально обширное пространство — вселенную. Во-вторых, она использует самые большие и притом наиболее точные часы, ход которых лежит в основе всех систем измерения времени, — космический цикл. И наконец, она имеет круговую шкалу, деления которой обозначают качества, а не равные промежутки чего-то количественно измеримого. Не время монотонно разметило этот циферблат. Напротив, часы ориентируются по нему, следуя друг за другом, но не уравниваясь между собой. Таким образом порождаются мощные глубокие образы. Сочетание всеохватности, точности и полноты создает оптимальные условия для наблюдения за временем. Любая земная хроника не только берет здесь начало, но и приобретает устойчивую меру.

Из сказанного вовсе не следует, что астрологию нужно ценить за то, чем она чаще всего привлекает людей, а именно за толкования и прогнозы. Речь идет не столько о выигрыше, сколько о знании правил игры. Предсказывание судьбы само по себе, вне зависимости от верности результата, дарит человеку большое утешение. О правильности астрологических мер можно спорить, тем не менее они способны составить конкуренцию десятичной системе. Впрочем, нас мало беспокоит тот факт, что метр не есть одна сорокамиллионная часть Парижского меридиана, как некогда утверждали ученые французской обсерватории. Это фикции мира чисел.

3

Уместно сделать еще одно замечание: в этой работе иногда встречаются цифры и слова из школьных учебников, такие как «меридиан», «каменный век», «ген», «мутация». Однако здесь они употребляются по принципу сходства понятий, а не в строгом терминологическом значении и в каждом случае могут приобретать новый смысл.

Эти слова неудобны тем, что они, как и непристойные выражения, несут на себе глубокий отпечаток воли говорящего. В них слишком силен элемент убеждения. Поэтому они быстро надоедают человеческому уму и меняются, как патентованные лекарства, — с каждым поколением. Лишь ретроспективный взгляд снова делает их приемлемыми.

Это, конечно же, справедливо только по отношению к такому языку, который не использует слово как простое средство коммуникации и не довольствуется численной точностью выражения. Мы не можем согласиться с Готфридом Бенном в том, что *terminus technicus* уместен даже в поэзии. Эта точка зрения соответствует крайне шаткой пограничной позиции, почти капитуляции.

Рвение, с каким человек использует подобные слова, во все времена считалось признаком высокого ума, что обусловливает привилегированное положение специалистов. Если кто-то взялся описывать лес, он не может запросто вступить в дискуссию со знатоками цецидий, кротовых нор и способов борьбы с майским жуком. Прежде всего желательно признать авторитет этих умов.

Впрочем, лес здесь ни при чем. Намерение описать его свидетельствует о некоем качестве, неза-